

Воспоминанія иностранцевъ о пребываніи Императора Николая I за границей.

I.

Со временъ знаменательныхъ историческихъ поѣздокъ великаго преобразователя Московскаго государства въ европейскія страны, путешествіе державныхъ повелителей Россійской имперіи за предѣлы отечества, съ цѣлью личнаго ознакомленія съ порядками иноземныхъ государствъ и поддержанія дружественныхъ отношеній съ ихъ коронованными правителями, вошло очень скоро въ обычай, ставшій затѣмъ какъ-бы обязательнымъ для вѣнценосныхъ главъ величайшей славянской монархіи. Исключеніе дѣлали только четыре императрицы, царствовавшія въ XVIII-томъ столѣтіи, и императоръ *Павелъ I*, но послѣдній не успѣлъ по восшествіи на престолъ завершить начатое имъ еще наслѣдникомъ путешествіе по Европѣ посѣщеніемъ вновь всѣхъ иностранныхъ государствъ, но уже въ качествѣ самодержца Россіи.

Ничего удивительнаго или непонятнаго въ этомъ проявляемомъ впослѣдствіи пристрастіи русскихъ императоровъ къ заграничнымъ поѣздкамъ не было. Они имѣли не мало вѣскихъ и побудительныхъ причинъ, изъ коихъ географическое положеніе Россіи и ея столицы играли первенствующую роль. Петербургъ, Москва, какъ и вся наша имперія, находились далеко въ сторонѣ отъ обычныхъ и стародавнихъ путей, по которымъ шло съ незапамятныхъ временъ сообщеніе между народами. Громадныя разстоянія, отдѣляющія насъ отъ Европы и большинства культурныхъ ея центровъ, отражались крайне неблагоприятно на многихъ государственныхъ дѣлахъ. Если при-

мѣрно важное политическое извѣстіе, посланное спеціальнымъ курьеромъ изъ Парижа доходило до Лондона въ 3 дня, до Берлина въ 6 дней и до Вѣны 7 дней,—то для доставленія того же извѣстія въ Петербургъ требовалось болѣе двухъ недѣль, другими словами, въ Лондонъ, Берлинъ, Вѣну, Римъ и Мадридъ всѣ парижскія свѣдѣнія приходили на 10—14 дней раньше, нежели въ Петербургъ.

Чтобы быть—какъ французы говорятъ—болѣе „ad congnant“ относительно важнѣйшихъ политическихъ событій и конъюнктуръ, русскіе самодержцы вынуждены были чаще другихъ государей посѣщать чужія страны, дабы посредствомъ личныхъ наблюденій и сношеній удостовѣриться въ безошибочности донесеній, получаемыхъ ими отъ спеціальныхъ уполномоченныхъ и пословъ.

Насколько положеніе русскихъ царей, обусловленное главнымъ образомъ дальностью разстояній, разнилось отъ положенія другихъ монарховъ въ смыслѣ необходимости періодическаго посѣщенія иностранныхъ дворовъ, видно изъ сопоставленія многочисленныхъ поѣздокъ русскихъ государей за истекшее столѣтіе съ тѣми рѣдчайшими посѣщеніями петербургскаго двора иностранными монархами, которыя отмѣчены въ хроникѣ политическихъ событій.

Императоръ *Александръ I* былъ за все время своего царствованія разъ 7 въ Берлинѣ, раза 4 въ Вѣнѣ, 2 раза въ Парижѣ и 1 разъ въ Лондонѣ. Изъ всѣхъ 4-хъ чужестранныхъ монарховъ, принимавшихъ русскаго императора въ стѣнахъ своей столицы одинъ только прусскій король *Фридрихъ Вильгельмъ III* посѣтилъ *Александра I* въ 1809 году въ Петербургѣ и то только послѣ перенесенныхъ имъ въ Тиль-итѣ и Эрфуртѣ неслыханныхъ униженій.

Особенную страсть къ заграничнымъ путешествіямъ проявилъ императоръ Николай I. Несмотря на неудобства и томи-тельно долгое время, съ которыми связано было въ ту пору странствованіе не только по Россіи, но и по Европѣ, русскій государь любилъ самоличное испытаніе впечатлѣній, происшедшихъ отъ перемѣны мѣста жительства, климата и прочихъ условій повседнежнаго быта. Не въ примѣръ всѣмъ царствовавшимъ одновременно съ нимъ европейскимъ монархамъ, императоръ *Николай I* былъ, судя по отзывамъ весьма компетентныхъ въ своихъ сужденіяхъ иностранцевъ, очень любознательнымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ. Лица, имѣвшія за

границей случай войти въ непосредственное сношеніе съ *Николаемъ Павловичемъ* и удостоиться чести бесѣдовать съ нимъ, приходили въ неописуемый восторгъ отъ обаятельной личности русскаго императора. Онъ поражалъ всѣхъ быстротой соображеній и мѣткостью своихъ критическихъ сужденій, соблюдая однако чисто рыцарскую вѣжливость и деликатность при разногласіи съ чужимъ мнѣніемъ.

Начиная съ 1814 г. вплоть до начала севастопольской кампаніи, т. е. въ продолженіе 40 лѣтъ гегемонія въ Европѣ принадлежала неоспоримо Россіи. Принимая въ соображеніе абсолютно-самодержавный, ультра-монархическій строй русскаго государства и выдающіяся интеллектуальныя качества императора *Николая I*, послѣдній могъ съ гораздо большей логической убѣдительностью и юридической послѣдовательностью, нежели *Людовикъ XIV*, сказать про себя: „L'état c'est moi“, между тѣмъ *Николай Павловичъ* никогда и нигдѣ за границей не подчеркивалъ своего исключительно высокаго положенія и грозную мощь русскаго государства. Всюду, гдѣ онъ появлялся неофициально, или полу-инкогнито, въ его манерахъ сквозило, при всей ихъ простотѣ и непринужденности, изысканное, врожденное благородство, съ отбѣнкомъ царскаго величія.

Еще въ царствованіе *Екатерины II* русскимъ посланникамъ вмѣнялось въ обязанность касаться въ своихъ донесеніяхъ не однихъ только политическихъ событій, но и сообщать о всѣхъ новыхъ явленіяхъ въ области литературы, науки и искусства. Императоръ *Николай I*, живо интересовавшійся всѣми произведеніями на художественномъ поприщѣ, напомнилъ при случаѣ объ этомъ высочайшемъ повелѣніи и сталъ получать періодическія извѣщенія о современномъ положеніи наиболѣе интересовавшихся его отраслей европейскаго искусства.

Благодаря, должно-быть, донесенію русскаго посланника при королевскомъ саксонскомъ дворѣ, императоръ *Николай Павловичъ* возымѣлъ желаніе побывать въ Дрезденѣ, гдѣ находилась одна изъ лучшихъ и богатѣйшихъ картинныхъ галлерей въ Европѣ и гдѣ недавно отстроены былъ новый великолѣпный придворный театръ, о художественной красотѣ котораго въ нѣмецкихъ газетахъ отзывались съ восторженной похвалой. Имя архитектора *Готфрида Семпера* стало сразу знаменитымъ во всей средней Европѣ. Пріѣздъ императора *Николая I* состоялся лѣтомъ 1845 года. Въ своемъ предварительномъ извѣщеніи русскій царь просилъ саксонскаго короля, симпатичнѣйшаго изъ всѣхъ когда-

либо царствовавшихъ въ Германіи королей, *Фридрихъ Августъ II*¹⁾ не устраивать никакихъ парадныхъ и торжественныхъ встрѣчъ. *Императору Николаю* хотѣлось побывать запросто и безъ всякихъ официальныхъ стѣсненій въ Дрезденѣ. Условились, что русскій государь пріѣдетъ въ Пильницъ (лѣтнюю резиденцію саксонскаго двора, находящуюся въ разстояніи двухчасовой ѣзды отъ Дрездена на правомъ берегу Эльбы). Тамъ состоится официальный пріемъ, и оттуда знатный русскій гость будетъ навѣщать саксонскую столицу, для обозрѣнія музеевъ, картинной галлерей и прочихъ достопримѣчательностей.

II.

О прибытіи русскаго императора въ Пильницъ жители Дрездена не были извѣщены. Газетамъ приказано было хранить до поры до времени молчаніе. Саксонское правительство было сильно озабочено появленіемъ *Николая I* въ Дрезденѣ и его окрестностяхъ.

Въ Германіи жило не мало русскихъ эмигрантовъ, родственниковъ декабристовъ. Въ самомъ Дрезденѣ находились кружки польскихъ революціонеровъ, поселившихся тамъ послѣ подавленія кроваваго возстанія 1831 года и мечтавшихъ лишь о скоромъ возмездіи и возрожденіи Польши. Не удивительно, если дрезденская полиція, стараясь незамѣтно принять всевозможныя предосторожности для охраны и личной безопасности русскаго государя, проявляла порою излишнюю нервность и чрезмѣрное усердіе въ преслѣдованіи своей благой цѣли. Тайные агенты стали ходить по пятамъ императора, возбуждая столь примитивнымъ способомъ охраны сильное неудовольствіе въ немъ. Тогда мѣра эта была тотчасъ же отмѣнена и агентамъ было строго на строго запрещено показываться на глазахъ царя.

Въ 1876 году авторъ этого очерка познакомился съ знаменитымъ художникомъ-скульпторомъ и профессоромъ дрезденской академіи художествъ Генелемъ (Hänel), создавшимъ из-

¹⁾ Трагическая кончина этого любезнѣйшаго и добрѣйшаго монарха опечалила въ 1854 году всю Германію. Страстный любитель природы, въ особенности, ботаники, король Фридрихъ Августъ II путешествовалъ лѣтомъ 1854 года въ Тиролю. Отправляясь изъ Боццена въ сопровожденіи адъютанта въ почтовой каретѣ въ окрестности, лошади, испугавшіяся упавшей съ горы каменной глыбы, понесли; король, желая выпрыгнуть изъ экипажа, упалъ, при чемъ лошадь ударила его копытомъ въ високъ, отъ чего послѣдовала моментальная смерть. М. С.

вѣстныя четыре аллегорическія группы, „Утро“, „День“, „Вечеръ“ и „Ночь“, украшающія лѣстницу, ведущую на Брюльскую террасу. Профессоръ *Гемель*, пользовавшійся уже въ 1845 году славой выдающагося скульптора, рассказалъ мнѣ слѣдующее про его случайную встрѣчу и знакомство съ императоромъ Николаемъ I въ Дрезденѣ: „Это было въ первой половинѣ іюня мѣсяца 1845 года“ началъ *Гемель* свой рассказъ.— „Около одиннадцати часовъ утра я выхожу изъ главнаго почтамта, куда зашелъ для отправки писемъ, и становлюсь въ нерѣшительности, куда мнѣ идти, у самаго угла почтамтской площади и Вальштрассе. Говоря откровенно, меня тянуло въ винный погребокъ, находившійся въ ста шагахъ отъ меня, куда я изрѣдка захаживалъ, чтобы позавтракать и выпить стаканчикъ хорошаго рейнвейну. Но съ другой стороны мнѣ необходимо было зайти по дѣламъ въ академію художествъ. Наконецъ „лукавый“ побѣдилъ, и я свернулъ въ Вальштрассе по направленію къ винному погребку. Не прошелъ я еще и 20 шаговъ, какъ вижу идущаго мнѣ навстрѣчу необычайно рослаго господина съ поразительно характерными чертами лица, большимъ прямымъ носомъ и громадными голубыми глазами, смотрѣвшими какъ-то спокойно величественно на все окружающее. Пораженный появленіемъ столь импозантной, мужественной фигуры, я сталъ разсматривать незнакомца, въ которомъ сразу можно было узнать знатнаго чужестранца. Безъ всякаго признака тучности шедшій господинъ былъ тѣмъ не менѣе атлетическаго сложенія, легкая походка свидѣтельствовала о громадномъ запасѣ жизненныхъ силъ, хотя по лицу можно было незнакомцу дать лѣтъ подъ 50. Одѣтъ былъ господинъ съ изысканной эlegantностью, но безъ малѣйшаго намека на франтовство. На немъ былъ синій, открытый спереди, короткій сюртукъ, темно-коричневый шелковый жилетъ съ вышитыми на немъ цвѣточками и сѣрыя брюки; на головѣ имѣлъ онъ цилиндръ, что увеличивало и безъ того высокій его ростъ. Въ правой рукѣ держалъ незнакомецъ тоненькую тросточку съ серебряной ручкой, а лѣвая, одѣтая въ перчатку, сжимала снятую съ правой руки. Поровнявшись съ незнакомцемъ, я только тутъ убѣдился, какъ высокъ былъ онъ ростомъ, я человекъ въ всякомъ случаѣ не маленькій, доходилъ ему какъ разъ только до ушей. Проходя мимо меня, господинъ этотъ взглянулъ пристально мнѣ въ лицо, точно всматриваясь своими большими выразительными глазами въ мои черты. Остановившись какъ-то невольно, я сталъ смотрѣть удалявшемуся незнакомцу въ слѣдъ, мнѣ казалось, что я это лицо

гдѣ-то уже видѣлъ, но не могъ припомнить, вѣдь тогда еще не было фотографій.

Тутъ я только замѣтилъ, что былъ не единственнымъ лицомъ, наблюдавшимъ съ любопытнымъ недоумѣніемъ за величественной фигурой незнакомца. Ко мнѣ подошло нѣсколько мужчинъ, знавшихъ меня очевидно по моей специальности съ вопросомъ: „профессоръ, скажите пожалуйста, кто этотъ господинъ?“ Я могъ только отвѣтить пожатіемъ плечъ, при чемъ рѣшился узнать во что бы то ни стало настоящую фамилію и званіе загадочной личности. Меня подзадоривалъ къ этому еще и художественный инстинктъ, мнѣ хотѣлось сдѣлать набросъ фигуры и лица незнакомаго господина, ибо такихъ типичныхъ во всѣхъ отношеніяхъ личностей встрѣчаешь очень рѣдко въ своей жизни, нужно пользоваться случаемъ.

Съ этими мыслями я пошелъ за удалившимся незнакомцемъ.

Стараясь не попадать ему вновь на глаза, я плелся незамѣтно по другой сторонѣ улицы. Особое удовлетвореніе испытывалъ я, когда видѣлъ, какъ прохожіе останавливались и съ нескрываемымъ удивленіемъ провожали глазами громаднаго господина. Такъ дошли мы до Брюльской террасы. Незнакомецъ вошелъ быстрыми эластичными шагами на лѣстницу и, только добравшись до верхней ступеньки, снялъ шляпу, вытеръ шелковымъ платкомъ лобъ и перевелъ духъ. Погода стояла чудесная, было тепло, но не томительно жарко, какъ бываетъ въ концѣ іюля и въ августѣ. Оглянувшись немного, господинъ направился прямо къ кондитерской и кофейной Торніаменти, существовавшей уже въ ту пору около 100 лѣтъ. Небольшіе столики, разставленные подъ каштановыми деревьями, были совершенно еще пусты, у одного изъ нихъ и усѣлся незнакомецъ. Кондитерская Торніаменти прилегала одной стороной къ выставочному зданію академіи художествъ, я немедленно забѣжалъ туда и пробрался черными ходами въ самый домикъ кондитерской и расположился какъ разъ у окна, изъ котораго мнѣ хорошо были видны столикъ и вся фигура незнакомца. Только-что я вынулъ записную мою книжку и карандашъ, чтобы начать рисовать, какъ изъ-за буфета вышелъ въ сопровожденіи самого хозяина, мнѣ хорошо извѣстный инспекторъ тайной полиціи, криминальный совѣтникъ *Беме*, свѣшій противъ меня у другого окна и внимательно слѣдившій за господиномъ у столика. Тутъ меня сразу осѣнила мысль, что въ лицѣ незнакомца скрывается кто-нибудь изъ коронованныхъ особъ. Я сталъ быстро перебирать въ своей памяти

всѣхъ монарховъ и остановился наконецъ на императорѣ Николаѣ I. Конечно, говорилъ я самъ себѣ, это никто иной, какъ русскій царь.

Придя къ этому заключенію, я всталъ, подошелъ къ инспектору Беме и спросилъ шепотомъ: это императоръ Николай?— Испуганный начальникъ тайной полиціи приложилъ только съ умоляющимъ выраженіемъ лица палецъ къ губамъ, произнося лишь протяжное междоуміе ш...ть. Тѣмъ временемъ *Николай Павловичъ* заказалъ себѣ у пожилого кельнера холодный завтракъ изъ разныхъ сортовъ жаркого и полъ-бутылки краснаго вина. Въ ожиданіи заказаннаго онъ попросилъ принести ему нѣмецкихъ и французскихъ газетъ и углубился въ ихъ чтеніе. Этимъ моментомъ я воспользовался и набросалъ въ своей книжкѣ портретъ его. Когда старый кельнеръ входилъ въ зданіе кондитерской и получалъ у буфета требуемыя гостемъ яства, инспекторъ *Беме* шепнулъ ему, чтобы онъ слѣдилъ какъ можно внимательнѣе за господиномъ. До святости глупый и наивный кельнеръ понялъ предостереженіе хорошо знакомаго ему начальника тайной полиціи по-своему и когда императоръ *Николай Павловичъ* вынулъ русскій полуимперіаль — весь завтракъ стоитъ около двухъ талеровъ — и бросилъ его на столъ съ намѣреніемъ удалиться, кельнеръ запротестовалъ вдругъ словами: „Nee gutester Herr Spielmarken als Bezahlung nehmen wir nicht an“. (Нѣтъ, милѣйшій господинъ, игральныя марки мы въ уплату не принимаемъ). Императоръ разсмѣялся и замѣтилъ, что у него другихъ денегъ нѣтъ. На это кельнеръ отвѣтилъ сухо: Na da muss ich den Herrn Polizeinspector holen“ (ну, тогда я долженъ позвать господина полицейскаго инспектора) и направился къ зданію кондитерской; войдя въ него, онъ обратился къ совѣтнику *Беме* съ просьбой заставить гостя платить настоящими деньгами, а не игральными марками, показавъ при этомъ полуимперіаль. Услыхавъ подобную ахиною, несчастный инспекторъ, схватившись за голову, прошипѣлъ только озадаченному кельнеру: Halten sie ihr ungewaschenes Maul, sie Esel“ (заткните вашу не мытую глотку, оселъ!) и убѣжалъ стремглавъ черезъ задній ходъ изъ кондитерской. При такихъ обстоятельствахъ я счелъ нужнымъ подойти къ императору (хозяинъ кондитерской куда-то ушелъ), такъ какъ онъ все еще чего-то ждалъ, стоя у столика, и объяснить ему, что недоразумѣніе съ полуимперіаломъ улажено. Пристально взглядываясь въ меня, государь спросилъ, кто я таковой; когда я назвалъ свою фамилію и званіе, черты лица его

замѣтно прояснились, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „очень радъ познакомиться съ вами, дорогой профессоръ, я давно уже слышалъ про васъ; ну теперь я понимаю, почему вы меня сидя тамъ за окномъ срисовывали“. При послѣднемъ замѣчаніи императора я чувствовалъ, какъ разлилась краска стыда по моему лицу. „Простите, Ваше Величество, промолвилъ я, профессиональное званіе художника подзадорило меня“. — Да не беспокойтесь пожалуйста, я ни малѣйшей претензіи не заявляю, а прошу только дозволенія взглянуть на свой портретъ. Скопфуженно вынулъ я свою книжку и показалъ набросокъ императору. Внимательно разсмотрѣвъ его, держа книжку на разныхъ отъ себя разстояніяхъ, онъ отдалъ мнѣ ее со словами: „да, вы крупный талантъ, вы владѣете безукоризненно техникой рисованія“. Взглянувъ на часы, императоръ спросилъ меня, не согласенъ ли я сопровождать его при посѣщеніи картинной галлерей.

На мой поклонъ и замѣчаніе, что я къ услугамъ его величества, онъ какъ-то бѣззавидно окликнулся и сказалъ въ полголоса: не называйте меня величествомъ, я здѣсь инкогнито и не желаю бы, чтобы меня публика узнала. Сегодня утромъ отпросился у милѣйшаго короля Фридриха Августа на полдня „со двора“, прибавилъ онъ съ очаровательной улыбкой; къ 6-ти часамъ я долженъ вернуться къ обѣду въ Пильницъ и этимъ временемъ хочу воспользоваться для осмотра картинной галлерей. Въ 4 часа меня ждетъ у Брюльской террасы специальный пароходъ, чтобы черезъ 2 часа доставить въ Пильницъ“. Такъ какъ оказался платный день, то въ картинной галлерей было очень мало публики, и императоръ чувствовалъ себя безъ всякаго стѣсненія. Я былъ удивленъ мѣткими замѣчаніями, сдѣланными русскимъ государемъ по поводу стиля, колорита и самаго сюжета многихъ первоклассныхъ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Между прочимъ онъ относился очень скептически къ исторической живописи, находя ее въ большинствѣ случаевъ декоративной, ходульной, вымышленной или подкрашенной на подобіе продажной женщины. Дойдя подъ конецъ къ знаменитой Сикстинской мадоннѣ Рафаэля, онъ, глядя восторженно на картину, произнесъ послѣ минутнаго молчанія: „Это единственная картина, возбуждающая во мнѣ чувство зависти относительно ее обладанія“. Находившійся, во время посѣщенія галлерей публикой, неотлучно около картины сторожъ, не подозрѣвая, кто передъ нимъ, обратился къ императору Николаю съ словами: Im Jahre 1813 wollten die Russen die Madonna mausen, wir haben

sie aber so gut versteckt, dass die Kosaken sie nicht haben finden Können". (Въ 1813 году русскіе хотѣли Мадону *стибритъ*, но мы ее такъ хорошо спрятали, что казаки не могли ее найти). Я готовъ былъ провалиться сквозь землю, услыхавъ эту дикую чепуху, но императоръ, не удостоивъ сторожа отвѣта, обратился ко мнѣ со словами: „скажите пожалуйста этому служителю, чтобы онъ заученную имъ наизусть глупѣйшую выдумку не подносилъ посѣтителемъ въ качествѣ исторической правды; если русскіе хотѣли въ 1813 году взять этотъ бессмертный шедевръ Рафаэля, то они могли сдѣлать это открыто на основаніи права побѣдителей, какъ на примѣръ французы брали произведенія искусства изъ покоренныхъ ими областей, слѣдовательно, никакая хитрость или уловка не могли спасти отъ казаковъ Сикстинскую Мадонну, если бъ Императоръ Александръ I желалъ взять ее, какъ военную добычу“. Выходя изъ галлерей, императоръ, видимо разстроенный безтактной выходкой глупаго сторожа, промолвилъ: „я кому какая выгода отъ подобныхъ пошлыхъ выдумокъ“. Проводивъ государя до парохода, стоявшаго наготовѣ у Брюльской террасы, я откланялся его величеству, при чемъ получилъ приглашеніе явиться черезъ два дня во дворецъ для частной аудіенціи“.

III.

Передавая вышеизложенное со словъ профессора *Генеля* о его личной встрѣчѣ съ Императоромъ *Николаемъ I*, я долженъ прибавить кое-что изъ воспоминаній другихъ очевидцевъ пребыванія русскаго государя въ Дрезденѣ въ 1845 году. На другой день послѣ эпизодовъ въ кондитерской у Торніаменти и въ картинной галлерей, Императоръ Николай Павловичъ и саксонскій король Фридрихъ Августъ II прибыли на богато разукрашенномъ пароходѣ официально и въ сопровожденіи большой свиты въ Дрезденъ. Послѣ обѣда во дворцѣ весь дворъ съ августѣйшимъ царскимъ гостемъ отправились въ королевскую оперу слушать „*Фенеллу*“ Обера съ знаменитымъ тенеромъ *Иосифомъ Тихачекомъ* въ роли *Массаниелло*. Интересно отмѣтить, что оперой дирижировалъ недавно приглашенный (всего за 1½ года до этого) новый молодой капельмейстеръ, *Рихардъ Вагнеръ*, начавшій въ ту пору дѣлать свою блестящую карьеру. Императоръ *Николай* выражалъ, по свидѣтельству многихъ очевидцевъ, свой восторгъ по поводу всего видѣннаго и слышаннаго; онъ откровенно признался королю, что ничего подобнаго не ожидалъ встрѣтить въ небольшой резиденціи крошечнаго саксонскаго государства. Зданіе театра, фойе, и въ особенности зрительный залъ,

съ великолѣпно разрисованнымъ парижскимъ художникомъ *Десплашеномъ* занавѣсомъ произвели на государя неизгладимое впечатлѣніе. Обращаясь послѣ окончанія спектакля къ королю и выражая ему благодарность за доставленное высоко-эстетическое наслажденіе, императоръ прибавилъ; „много я бы заплатилъ, если бы въ Петербургѣ мнѣ удалось построить такой же театръ и завести столь образцовую оперу“. Въ этой похвалѣ государя не было ничего преувеличеннаго; дрезденская опера славилась въ ту пору во всей Европѣ. Пѣвицы *Зонтагъ*, *Шредеръ-Девриенъ*, теноръ *Тихачекъ* составляли гордость ея. Что же касалось оркестра придворной оперы, то онъ не имѣлъ себѣ равнаго во всемъ мірѣ. Профессоръ *Генель*, бывшій, конечно, на этомъ парадномъ спектаклѣ, передаетъ еще маленькую деталь, замѣченную немногими посѣтителями. Въ 3-емъ дѣйствіи „Фенеллы“, когда сцена изображаетъ скромную хижину рыбака *Массаниелло*, король *Фридрихъ Августъ*, послѣ восхитительно спѣтаго *Тихачекомъ* *berceuse a (Schlummerlied)*, нагнулся къ уху императора и сталъ что-то нашептывать ему. Государь, слушая внимательно, что-то переспросилъ, улыбнулся и кивнулъ слегка головой. Скоро профессоръ *Генель* догадался, о чемъ бесѣдовали оба монарха. Когда *Массаниелло—Тихачекъ* въ речитативѣ, обращенномъ къ принцу Альфонсу, произнесъ фразу: *und besser als dein Schwert, schützt dich das Gastrecht hier* (и лучше твоего меча служить защитой тебѣ гостепріимство), *Николай Павловичъ* прыснулъ незамѣтно со смѣху въ платокъ. Дѣло заключалось въ томъ, что *Тихачекъ*, какъ кровный чехъ, выговаривалъ нѣмецкій текстъ съ сильнымъ акцентомъ; изъ слова *Schwert* (мечъ), имѣющаго только одинъ слогъ, онъ ухитрился дѣлать ровно пять и пѣлъ: „E-sche-we-re-te“. Но помимо этого *Тихачекъ* былъ пѣвецъ съ феноменально-красивымъ, могучимъ голосомъ, съ безукоризненной вокальной техникой, однимъ словомъ художникъ—артистъ съ головы до ногъ. Императоръ *Николай Павловичъ* приглашалъ его лично на рядъ гастролей въ петербургскую итальянскую оперу съ условіемъ пѣть по-итальянски. Но знаменитый оперный пѣвецъ, будучи не въ примѣръ другимъ тенорамъ, человѣкомъ далеко не глупымъ, но весьма остроумнымъ, отвѣтилъ уклончиво, ибо не надѣялся переучить наилучшія партіи своего репертуара по-итальянски. Отвѣсивъ низкій поклонъ государю и поблагодаривъ его за лестное приглашеніе, *Тихачекъ* сказалъ: „Ваше величество слышали *Тихачека*, поющаго на плохомъ, но все же привычномъ ему нѣмецкомъ діалектѣ, я боюсь, что, когда вы

услышите поющаго его на невозможно-скверномъ итальянскомъ языкѣ, то разочаруетесь“. Послѣ такой аргументаціи Императоръ *Николай* уже не настаивалъ болѣе на своемъ приглашеніи. Прослушавъ спустя нѣсколько дней еще Вагнеровскаго „Ріенци“, который, какъ и слѣдовало ожидать, совсѣмъ не понравился государю, хотя дивное исполеніе заглавной роли *Тихачекомъ* вызвало искреннее удивленіе *Николая Павловича*, царь покинулъ Дрезденъ, о которомъ, какъ увѣрялъ онъ при прощаніи съ королемъ Фридрихомъ Августомъ II, останутся у него навсегда самыя лучшія, пріятныя и неизгладимыя воспоминанія. Остается еще добавить, что въ частной аудіенціи, которой удостоился профессоръ *Генель*, государь вспомнилъ о злополучномъ глупомъ кельнерѣ у *Торніаменти* и просилъ *Генеля*, въ случаѣ надобности, позаботиться, чтобы бѣдный труженикъ не подвергался бы взысканіямъ со стороны хозяина или властей. Вручивъ профессору *Генелю* орденъ Станислава второй степени, Императоръ милостиво распростился съ осчастливленнымъ художникомъ. *Иосифъ Тихачекъ* получилъ изъ кабинета его величества великолѣпную булавку, украшенную чуднымъ изумрудомъ и крупными брилліантами. Въ 1881 году мнѣ доводилось неоднократно встрѣчаться и бесѣдовать съ *Тихачекомъ*, мирно доживавшимъ на хорошей пенсіи свой вѣкъ въ Дрезденѣ. Престарѣлый артистъ—ему шель уже 75-тый годъ—иначе какъ со слезами на глазахъ не вспоминалъ о времени пребыванія Императора *Николая I* въ саксонской столицѣ. Сидя въ кругу хорошихъ друзей и знакомыхъ за стаканомъ вина, въ ресторанѣ гостиницы „Stadt Gotha“, *Тихачекъ*, отличавшійся рѣдкимъ добродушіемъ и чисто-славянскою сердечностью, показывалъ зачастую подарокъ русскаго самодержца, говоря при этомъ: „много разъ приходилось мнѣ закладывать всѣ мои цѣнныя вещи, но съ этой булавкой я никогда не разставался, такъ какъ боялся потерять ее“. На разспросы о личности Императора *Николая I* онъ отвѣчалъ обыкновенно фразой: „могу сказать вамъ, господа, только одно—это былъ настоящій Императоръ, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова или, какъ говоритъ Шекспиръ, царь съ юловы до пятокъ, такого мы никогда больше не увидимъ“!

М. В. Станиславскій.

